

Ксения ГУТОВА

ОСКОЛКИ

И они все ещё ходят где-то, пьют чай – с сахаром и без, как привыкли, устают, а потом улыбаются и не знают, что они стали «одними из», а были «вопреки», но не «благодаря».

Из твоего окна был виден строительный кран, там светящимися чернилами было что-то написано, но я никак не могу разобрать, потому что снег валит слишком густо, и все теряется в бликах, ряби, этом вечном ворошении.

– В операционную заходим, как в баню. Снимаю оставшееся.

Вместе с неработавшей веной мне вырезали здоровый нерв. Теперь я должна чувствовать чуточку меньше, но не чувствую ничего. Безответные гудки. В пепельнице вырос ёж из окурков. Птицы прилетают и расклеивают их, пытаюсь что-то найти.

Заходишь в эту чистую комнату, как ныряешь в ледяную воду. Внутри комков, но виду не подаёшь. Кто лежит – я или она? Руки распластаны катетерами или скрещены в немом согласии? А внутри так холодно, и тело поливают спиртом, он жжет и душит, и скупая слезинка катится к виску, заживо снимая скальп.

Мелкая дрожь застревает в голодном животе, в спине выгибаешься и мысленно считаешь: должно быть примерно пятнадцать, а потом отпустит. «Примерно» – это и семнадцать, и тридцать, и год – у всех в общем по-разному. Боль нарастает, считаешь, считаешь, ничего не помогает, нужно нырнуть и жить в ней, это такое упражнение, медитация – первоклассный тибетский монастырь. Пятизвёздочный почти.

– Ты там как, живая?

Живая. Наверное.

Чистая комната, я заранее помыла полы. Громкая комната. Страшная...

Ресницы впиваются в веки, и челюсть ходит ходуном. Лицо мое ощутимо морщится, потому что оно не может отразить того, что...

Твое тело теплое, я знаю, какое оно, оно останется таким же навсегда. Потому что не будет завтра, будет только вчера, «несколько недель назад», «посмотрите ваши лучшие снимки за прошлый год». Потому что какой-то нерв случайно вырезали, и теперь не поймёшь, откуда именно.

Легкая музыка, что-то гавайское. Я потом подумаю об этом, сейчас это слишком близко, мне нужно рассмотреть все получше. Ты ждал письма – ну так что ж, вот твое письмо, попробуй согреться куском ледяного взгляда.

Твое тело холодное, и я все ещё жду, что ты откроешь глаза и скажешь, что все это неправда, что кто-то где-то ошибся, и мне не нужно мыть эти чёртовы полы и ставить три табуретки в ряд, чтобы потом упасть на колени и тупо выть.

Комната теплая, тихая. Как будто все поставили на паузу, и ты не ты, и я не я. В тишине гулко бьется сердце. В кармане случайный спичечный коробок, я положу туда свою жизнь – вот и все, неплохая получилась история.

Ранки затянутся, швы расплавятся, и останется три алых пятнышка: не забывай, эти трещинки теперь с тобой. Хирург расскажет анекдот, я вынырну из боли, и покажется, что этого не было, что я все придумала, мне привиделось, но тебя уже не будет рядом, чтобы сказать, что я есть и все будет хорошо.

Моя фарфоровая девочка, ты снова все забыла, снова потерялась и теперь бродишь по улицам одна. И фонари виновато вылупились слепыми рыбьими глазами, таращась среди илистого тумана. В ножке трещинка – теперь ты не сможешь пойти на ту набережную, и твой кукольный городок давно сломали и сдали в утиль. Ты будешь обжигаться коньяком и сигаретами, пока не отратишь зубы, чтобы защищать свою тихую комнатку...

– Готово. Завтра на перевязку.

***

Мы улыбаемся: я – потому что довольна новым цветастым сарафаном, се-стра – на всякий случай, потому что ничего не понимает – ей всего год. Ты смотришь бессмертно. Простая рамка. Рядом потрескивают часы, напоминая, что с каждой секундой мы становимся дальше от того дня двадцатилетней давности, от всех тех дней, в которых мы были другими. Вдруг они вскрикивают, потому что им, часам, кажется, что наступило что-то важное, что пора вставать, бежать, что-то менять и создавать, но нет – я просто забыла отключить будильник, оставшийся со вчерашнего дня. На этот раз вы опоздали, и мне даже жаль вашего пустого рвения.

...Проведи по спинам книг пальцем, перелистни дневник, отразись в зеркале. Я помню то, что должна там увидеть, но все равно не узнаю. Потухли свечи в больших стаканах, седой налет уснул на полках, выцвел «Девятый вал» на открытке. Вещь становится вещью, когда на нее долго не ложится ничей взгляд.

...Ты стоишь на крыльце, укутанная в старую пихору, сжатую под подбородком. Улыбаешься и машешь вслед, скрипнула калитка, не отворачиваешься, так и видно по плечам, что хочешь заплакать на прощание по привычке, но сдерживаешься, гладишь старую трясущуюся собаку. Немножко кольнет в груди, когда издалека взгляну на сырой от дождя дощатый забор, в корочках тонкого льда лужицы, теплый дом. Я знаю, ты все стоишь там и улыбаешься мне вслед, а первый снег тихо падает на пустое крыльцо под незагорающим фонарем.

УРОКИ ДЕКЛАМАЦИИ

УТРО

Где закончилось вчера и началось сегодня, если не было сна? Вчера было грустно, а сегодня вовсе нет – вот и вся разница. Время то растягивается, то сжимается, и жизнь иногда тесна, а иногда слишком просторна, и ты не равен самому себе, потому что не всегда можешь узнать себя в зеркале.

Вот смотришь на себя чужими глазами. И весь ты как ладони, как в миниатюре – в новой куртке, прядь волос около лба чуть сбилась под влажным ветром, пружинистый шаг. И вспоминаются взгляды и прикосновения, которые

легли, а не прилипли, и слышишь, как кто-то говорит, что лицо твое светло и ты хорош. Да, как же я мог это забыть! Да-да, я хороший, и все со мной будет хорошо... Как замечательно, что я хороший и могу идти ранним утром по зябкому городу, а солнце еще не скоро будет печь, и все так приятно блестит зеленой открыткой от росы.

И снова будет день и будет ночь, и будет сначала жарко, потом холодно, когда-то наступит зима, но до нее еще далеко, и можно гулять по старым улицам и сидеть на детских площадках, проходить мимо темных окон и заглядывать в светлые по ночам, и так будет всегда, хотя все пройдет. Вот новая любовь, и все как в первый раз, и снова пересматриваешь свою жизнь и что-то отдаешь другому – лучшее вперемешку с болящим и страшным, а оказывается, что тебе остается еще больше. На тебя смотрят, тебе улыбаются, с тобой курят сигарету напополам, и ты снова чувствуешь себя способным доверять. Или так, как было в том прохладном трамвае, на который ты едва успел запрыгнуть жарким летним днем около городского сада, а внутри была тень, не людно и тряско-шумно, между щелястых стен гулял свободный ветер, а пьяный мужик не решился войти. И мы ехали через стены разросшихся кленов с обеих сторон от рельсов и впервые в сотый раз видели поплывшие окна, одинокий велосипед, кота на подоконнике второго этажа в обрамлении простых занавесок – и нам было не страшно. Нам не было страшно, и от этого было хорошо. «Остановка – переулочек Ванцетти», – звучит так нежно-звонко, и пахнуло душиноватыми анютиными глазками, и ехать дальше так хорошо.

Кондукторша с испитым лицом села на свое место и раскрыла книгу про школу ведьм. Нарисованные брови не двигаются, а глаза быстро-быстро скачут вдоль строчек. Одутловатые щеки и много раз проколотые уши, желтые волосы обломались и убраны косынкой со лба – но ноги... Когда она встает и идет в конец вагона, она кажется самым логичным и красивым существом, которое можно было поместить в трясущуюся железную коробку. Где-то наверху играли в кости, когда дали этим бронзовым мягким ногам – изящные маленькие пальцы, тонкие блестящие голени, округлые бедра – такое лицо и такую жизнь – без школ для ведьм, с простым житейским волшебством, которому учат только продавцы черешни на трамвайных остановках, облака мош кары после летних дождей и колокольный звон с горы.

ИЗ ОКНА (НОЧЬ)

Солнце давно закатилось, но душноватый воздух еще прилипал к телу; дворник вышел поливать чахнувшие деревца под окном – влага поднимается радугой в свете фонаря, не доходя до первого этажа. Днем город был живым, спешащим, голодным; теперь лежит в дремоте, поминутно просыпаясь от неосторожных движений в подворотнях. Город не может успокоиться и то и дело сливается в отражениях со светом проезжающих мимо автомобилей – город устал, но сон придет только под утро.

Твоя боль прошла мимо меня – лишь скользнула ветряным языком – или веткой? – по стеклу. Как будто ставнями закрыли окошко ларька на остановке, где, по словам ненадежных рассказчиков, продавали вкуснейшие пирожки.

Как будто раньше нехитрая выпечка всегда масляно, призывно сияла на витрине, а потом лавочку прикрыли, окошко заколотили, и все – нет ни жалости, ни сочувствия, ни запасного спасательного круга. А ты бьешься, бьешься, сверяешься с часами, но внутри никого нет – пусто.

Окна распахнуты, но все равно душно. О чем говорить, когда «то самое» растаяло, стало лужицей или пятном. «Из твоего окна была видна...» – буду я потом вспоминать, а, собственно, какая разница, что там было? Томь ли, Волга, магазины, обшарпанные пятиэтажки, часовня, синагога, мечеть? Разницы нет, осталась заноза; оторвавшись от конкретной улицы, та комната со светлым окном продолжает блуждать в памяти, приклеиваясь то к «сегодня», то к «завтра» и не оставляя в покое.

Мое окно другое. Я не закрываю его, и осенью птицы слетаются и ворошат пепельницу, а зимой снег лежит на полу неуместно, как будто в самом доме, зато воздух свеж. Я не хочу смотреть свысока на то, что было, – мне хочется, чтобы эта история никогда не заканчивалась тяжелой плитой с двумя датами. Наблюдая за гаснущим в полете окурком, я всегда вспоминаю человека, который случайно упал с крыши соседнего дома. Он забрался туда, чтобы посмотреть на город птицей, почувствовать себя живым от страха, а потом упал – и так всегда и бывает: просто был, просто не стало, кончился. Но думать об этом все равно что прикоснуться холодными руками к теплому телу, поэтому, проследив за смертью последней сигаретной искорки, я запускаю новую, и так мое окно можно опознать в темноте. Лишь иногда мигающая точка засветится подольше, замрет задумчиво и разразится слезами, упреками, текстами, а потом снова смолкнет, и ничего – так всегда и бывает.

Сколько их было, сколько их будет: в трещинках, косых, мертвенно-чистых и обитаемо мутных, свежих, светлых, темных – окон-глаз, мимо которых мы прошли и пройдем, или остановимся рядом в удивлении, присвоим памятью, покуда хватит сил. А мне и дальше – прежде форточки видеть гвозди, прежде сердца вспоминать вину.

Дыши легко.

ЗВЁЗДНАЯ НОЧЬ

Твоя жизнь — это всего лишь история. Или — «аж» — аз — значит, и «есмь». Но нет, ты есть, пока я вижу тебя, и значит сейчас, как и тогда, Пётр ответит: «аз несмь». Кто пишет о тебе, кто слушает тебя? В ком тебе нравится своё отражение? «Да будет дорога твоя легка, да будет прям твой путь», — но не будет — нет, конечно, не будет: это был бы не ты. А ты ли перед моей мыслью — сейчас? А тогда ты ли был — всегда или именно в ту секунду, когда я?.. А вижу ли действительно? А тебя ли?

И сила трения не отменяет начала фразы, начала чувства, того прошлого, прошедшего, ушедшего, увядшего, но не забытого, но родного, но далёкого, но в памяти, в памяти... И сила тяготения сталкивает яблоко с тонкого края — и вместо него чуть-чуть страха, щепотка раскаяния, вечное сопряжение имен. Как ветру не гнать сухого листа, так и мне — не писать о тебе, не видеть нежного лба со знакомой бровной дугой, разбить лицо на части, забыть по очереди нос, губы, глаза, скулы, веки, зубы, сетчатку, ресницы, родинки, морщинки,

трещинки, улыбку, пятна, слезы, следы, твой дом, всё исчезает, время рассыпается, оставляя только память о неслучившемся.

Чувство становится открыткой, поселяется в бумажнике случайного прохожего, уезжает в другую жизнь, а с ней уезжаешь и ты, и память о тебе становится рукописью. Вам одобрена кредитная карта — да помилуйте, я и так в неоплатном долгу перед ним — перед тем, который... За которого... С которым... В котором... Вместо которого теперь зияющая пустота — на него упал метеорит, да, поэтому его нет, он позже перезвонит, обязательно перезвонит, и безгрешные утешатся. А метеориты летят прочь от земли, прочь, прочь летят... Летят...

***

Я лежу в палатке, и корявый корень впивается мне в спину. Если лечь на бок, начинает стрелять в ногу. Нос торчит из спальника — холодный. Не спится, хотя и не так тревожно, как дома.

За палаткой шумит река. Птиц здесь не слышно в принципе, а ночью особенно. Интересно, какие-то животные приходят ночью в лагерь на запах еды в потухшем костре? Это было бы как-то архетипично, что ли...

Рядом со мной лежит Человек. Спит. Мы знакомы почти четыре года, но, взглядываясь в его лицо, я понимаю, что совсем его не знаю. Я смотрю на него через особую призму своих чувств, и это всегда искажает объект восприятия настолько, что от него ничего не остаётся. У него восточные глаза, обгоревший нос и чуть впалые щеки. За неделю похода отросли глуповатые усы и красивая щетина; морщинки вокруг глаз заглубели, и весь он стал как-то старше. Говорят, когда люди долго живут вместе, они становятся похожи, но мы все такие же разные, как тем далеким летом, когда в городе шли теплые ночные дожди. Хотя иногда мне кажется, что, слишком внимательно всматриваясь в него, я сама растворилась и перестала существовать как нечто отдельное. Кто знает...

НАЧНИ С НАЧАЛА

Обрыв дымится сухим снегом, залив внизу морщится и недовольно рычит, но слабо, незлобно — шторма не ждем. Залезть сюда можно только на четвереньках: снег заледенел под ветром и превратился в скользкий наст, за камни тоже не ухватишься — везде лед, лед, белизна. Сияние. Отсюда видно маяк — небольшой и одинокий — ожидаемо.

Север будет помнить тебя чуть дольше, чем юг хотя бы потому, что твой след вмержнет в песок и побережье сохранит его до весны. Потом в песке проснется жар, жажда, и все следы встанут теми людьми, которые их оставили, — то-то праздник начнется! Их смоем не сразу, они повисят тенями над водой, повоюют даже, увидят закат и рассвет, а потом уйдут — вернутся ли к хозяевам, отправятся ли в океан, бездомные?..

Мир не создан для человека. Нужно идти против ветра, чтобы куда-то прийти, нужно отчаянно сопротивляться дрожи в утробе, чтобы выползти, нужно бежать в тысячу раз быстрее, чтобы оставаться на месте. Миру — ветер, человеку — коробочка. Повезет, если из двух форзацев.

Мы спускаемся с горы, и ты что-то рассказываешь. В тебе – весь мир, потому что ты был повсюду, каждый пляж и каждая тропинка знают звук твоего шага. Путешественник не покоритель, а гость; повезло тем, кто смотрел в твои глаза и слышал твои истории.

Камни внизу долго кормились соленой водой и в конце концов обросли белесыми панцирями. На них не ступить, даже снег не решается их укрыть. Их называют яйцами драконов, но не округлая форма – причина такому названию, а человеческое желание встретить жизнь там, где ее нет, встретить родственность там, где есть только ветер, брызги и песок. Словом утвердить существование тех, кого больше нет или еще не было, – и здесь вычурность встречается с детской наивностью.

Твоя красота не северная: в тебе много жизни, которая льется наружу с каждым взглядом. В каждом слове – улыбка много чувствовавшего, но еще не усталого человека. Ты идешь упруго, потому что знаешь, что дорога есть и никуда не исчезнет, как надпись на открытке самому себе с другого конца света, опоздавшей настолько, что и не вспомнишь, что имел в виду, когда писал многозначительное бессмысленное послание.

Солнечный удар (?)

***

Всё в жизни должно быть осердечено.

Во всём должна сквозить простота принятия, нужности и вдохновляющего света. Я знаю, что завтра может всё измениться, но сегодня мне так приятно быть внутри моего чувства, ощущать телом подступающие слезы и протягивать наивные нити в далёкое пространство иных городов, мыслей, укладов повседневности.

Время искажается, не позволяя зафиксироваться хоть на каком-то моменте: прошлые дни слились в один бесконечный разговор, ноту моего высокого смеха и тонкое касание то ли рук, то ли самого пространства. Ощущение какого-то высокого полёта, почти забытое, но очень знакомое, осязается всем телом, которое то становится слишком лёгким, и мысли прижимаются ко лбу изнутри, грозясь пролиться слишком смелым взглядом, то тяжелеет устало, напоминая: в любом стремлении так много жажды обладания, что тебе придётся выплакивать её по каплям день за днём, чтобы сохранить себя в честности.

Вспомни, что некуда спешить: тебя дождутся и найдут, тебе надо просто быть, чтить свою самость, чтобы вовремя откликнуться на призыв, не расплескав и не испортив души по дороге.

...я больше не — я больше не — я больше не — я больше — всего, что может во мне родиться.

О РАССКАЗАХ КСЕНИИ ГУТОВОЙ

Проза Ксении Гutowой, скорее, жизнеутверждающая, и это утверждение силой поэтического слова. Слово здесь зрелое, зримое. Повышенное внимание к внутреннему состоянию не отвергает и не обедняет внешний мир, но «одухотворяет прикосновением», обогащает собственными мыслями и чувствами. Всё, чего касается взгляд автора, становится выпуклым, значимым, «осердеченным».

У автора нестандартный взгляд на вещи, редкое умение вслушиваться и всматриваться в частности и детали, запечатлевая сиюминутную картину и состояние души. Она стремится надеть чувством и сознанием всё вокруг, «встретить жизнь там, где её нет, встретить родственность там, где есть только ветер, брызги и песок».

Это помогает справиться с ежедневностью, с «несостоявшимися сюжетами, не встретившимися судьбами, несказанными словами», с «полувзглядами, полувздохами, полужизнями».

Рассказы написаны густо, изобретательно, афористично, у каждого свой особый стиль продиктованный выбранной темой. Он то фрагментированный, ассоциативный, то размеренный, живописный, с неторопливым вглядыванием в подробности, в лица. Удивительное для молодого автора знание деталей внешнего мира, умение наполнить его цветом, звуками, запахами. Это добротная, разнообразная и талантливая проза.

*Татьяна МЕЙКО,
член СП России.*